

МАРТЫН
ЛАЦИС

ЯКОВ
ПЕТЕРС

ИОСИФ
УНШЛИХТ

ДЗЕРЖИНСКИЙ

КОШМАРНЫЙ СОН
БУРЖУАЗИИ

Вожди Советского Союза

Мартын Лацис

**Дзержинский. Кошмарный
сон буржуазии**

«Алисторус»

2013

УДК 338
ББК 65.9(2)

Лацис М. И.

Дзержинский. Кошмарный сон буржуазии / М. И. Лацис —
«Алисторус», 2013 — (Вожди Советского Союза)

ISBN 978-5-4438-0534-4

Авторы этой книги хорошо знали Ф. Э. Дзержинского, основателя советской системы госбезопасности. М. И. Лацис с 1918 года был членом коллегии ВЧК, в 1919–1921 гг. – председателем Всеукраинской ЧК. Я. Х. Петерс с 1917 года был членом коллегии ВЧК позже – заместителем председателя ВЧК, ОГПУ И. С. Уншлихт с 1921 года также являлся заместителем председателя ВЧК, ОГПУ. В книге, представленной вашему вниманию, приводятся малоизвестные подробности о работе Дзержинского в ВЧК, об организации работы ЧК, о ее борьбе с заговорщиками, мятежниками и прочими врагами молодого советского государства. Главная идея воспоминаний Лациса, Петерса и Уншлихта – ВЧК всегда стояла на страже интересов трудового народа, безжалостно карая тех, кто покушался на общенародную собственность. Книга дополнена воспоминаниями и других людей, близко знакомых с Дзержинским; многие из этих воспоминаний хранились в закрытых архивах и публикуются впервые.

УДК 338
ББК 65.9(2)

ISBN 978-5-4438-0534-4

© Лацис М. И., 2013
© Алисторус, 2013

Содержание

Предисловие	6
Часть 1	10
Я. Х. Петерс	10
М. И. Лацис	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

**Мартын Лацис, Яков
Петерс, Иосиф Уншлихт
Дзержинский. Кошмарный сон буржуазии**

© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

* * *

Предисловие

Феликс Эдмундович Дзержинский родился в многодетной семье мелкопоместного дворянина, владельца родового имения Дзержиново (в 15 км от Ивенца, волостного центра Минского уезда). Его отец, учитель гимназии Эдмунд Иосифович Дзержинский, дал сыну при крещении два имени – латинское Феликс и белорусское Щасны, оба они означают – «счастливый»; в честь благополучного рождения. Отец умер в 1882 году от туберкулеза, когда в семье было 9 детей.

Дзержинский учился в 1-й Виленской гимназии (1887–1896), там он вступил в 1895 г. в ряды литовской социал-демократии и уже в следующем году (в апреле) ушел из последнего – 8-го класса гимназии, начав путь профессионального революционера. Активно занимался пропагандой революционных идей в кружках ремесленных и фабричных учеников в Вильно, а позднее и в Ковно. За свою деятельность был арестован (по доносу) и заключен в Ковенскую тюрьму (июль 1897 – май 1898), а затем отправлен в ссылку в Вятскую губернию на три года. По мнению властей, ссыльный Феликс Дзержинский «проявлял крайнюю неблагонадежность в политическом отношении». И в декабре 1898 г. его отправили в село Кай (Кайгородское) на 500 верст на север от Нолинска.

28.08.1899 г. Дзержинский бежал из ссылки, на лодке, он спустился вниз по Каме и благополучно добрался до железнодорожной станции. Он вернулся в Вильно, а оттуда направлен в Варшаву. В начале января 1900 года он участвовал в работе первого съезда Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ), а уже вскоре был арестован и заключен в Варшавскую цитадель (1900), позже – в Седлецкую тюрьму (1900–1902), а потом выслан на 5 лет в Вилюйск Якутской области. По пути туда он участвовал в акциях протеста заключенных и опять бежал на лодке, теперь уже из Верхоленска (12.06.1902), и эмигрировал. На конференции СДКПиЛ в Берлине (август 1902) избран секретарем заграничного комитета партии. Поселился в Кракове (тогда Австро-Венгрия).

Делегат VI съезда СДКПиЛ (июль 1903), на котором принято решение об объединении ее с РСДРП. На съезде Дзержинский избран членом Главного правления партии. Организовал издание газеты «Червоны штандар» («Красное Знамя») и транспортировку нелегальной литературы из Кракова в Царство Польское (1903–1904). На нелегальном положении в Варшаве. Во время революционных событий 1905 года возглавлял первомайскую демонстрацию, Варшавскую партийную конференцию, действовал в составе военно-революционной организации партии. Находился под арестом в Варшаве (июль – октябрь 1905), освобожден по амнистии. Вел агитацию в Домбровском уезде.

Делегат VI-го съезда РСДРП (апрель 1906), введен в состав ЦК партии (июль 1906), представлял польских социал-демократов в военно-революционной организации РСДРП. Работал в Петербурге (июль – сентябрь 1906), затем снова в Варшаве, где был арестован и заключен в варшавскую следственную тюрьму «Павиак» (декабрь 1906 – июнь 1907), освобожден под залог. В это время на V-м съезде РСДРП (май 1907) заочно избран членом ЦК РСДРП. В апреле 1908 г. вновь арестован и помещен в X-й павильон Варшавской цитадели, по приговорам Варшавской судебной палаты (1909) лишен прав состояния и осужден на пожизненное поселение в Сибири (в Енисейской губернии), куда отправлен в августе 1909, а спустя три месяца бежал из ссылки. В марте 1910 г. вернулся в Краков и продолжил свою там деятельность в качестве секретаря и казначея Главного правления партии. Затем ведет работу в Варшаве, Ченстохове и Домбровском угольном бассейне. Вновь арестован в Варшаве (сентябрь 1912), приговорен (апрель 1914) к 3 годам каторжных работ, а позднее (март 1914) еще к 6 годам каторги. Освобожден 1 марта 1917 г. после Февральской революции.

Вел активную подготовку Октябрьской революции, организовывал отряды Красной Гвардии в Москве. 10 (23) октября 1917 участвовал в заседании ЦК РСДРП(б), принявшем решение о вооруженном захвате власти, введен в состав Военно-революционного центра партии, который занимался организацией переворота в составе Петроградского ВРК, введен в состав исполкома Петроградского Совета (21 октября). В начале Октябрьской революции (25 октября) контролировал работу почты и телеграфа, руководил захватом Главного телеграфа. Участвовал в работе II-го Всероссийского съезда советов (25–27.10.1917), избран членом ВЦИК и Президиума ВЦИК. Как член Исполнительной комиссии Петроградского ВРК участвовал во многих событиях того времени.

6 (19) декабря 1917 года Совнарком, обсуждая вопрос «О возможности забастовки служащих в правительственных учреждениях во всероссийском масштабе», поручил Дзержинскому «составить особую комиссию для выяснения возможностей борьбы с такой забастовкой путем самых энергичных революционных мер», и уже на следующий день на заседании СНК он сделал доклад «Об организации и составе комиссии по борьбе с саботажем», – с одобрения СНК была образована Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем, Дзержинский был назначен ее председателем и оставался им до ее преобразования в ГПУ в феврале 1922 года.

Как левый коммунист, выступал в ЦК против подписания Брестского мира, но, считая недопустимым раскол партии, при голосовании 23 февраля 1918 воздержался. 7 июля 1918 ушел в отставку с поста председателя ВЧК как свидетель по делу об убийстве сотрудниками ВЧК германского посла В. Мирбаха; 22 августа вновь назначен на этот пост. В качестве шефа ВЧК проводил жестокую политику репрессий против противников большевистского режима. Был инициатором массового террора, института заложников и т. п. Главной функцией ВЧК считал борьбу с контрреволюцией путем осуществления непосредственно репрессий, считал, что «право расстрела для ЧК чрезвычайно важно», и что «ЧК должна защищать революцию и побеждать врага, даже если меч ее при этом попадает случайно на головы невинных».

Нарком внутренних дел НКВД РСФСР (март 1919 – июль 1923). Член комиссии ЦК и Совета обороны (с января 1919 года, вместе с И. В. Сталиным), выяснявшей в Вятке причины поражений Красной Армии в районе Перми. Был одновременно наркомом внутренних дел и председателем военного совета войск ВОХР – военизированной охраны (март 1919 – июль 1923), а с ноября 1920 – войск ВНУС – внутренней службы, председатель Главного комитета по всеобщей трудовой повинности – Главкомтруд (с февраля 1920). Был председателем Комитета обороны Москвы (1919, 1920). Кандидат в члены Оргбюро ЦК РКП(б) (1920–1921), член Оргбюро (1921–1924), член Центральной контрольной комиссии РКП(б) (1920–1921).

После покушения на В. И. Ленина осуществлял «красный террор». Руководил борьбой с повстанческим движением на Украине. Во время войны с Польшей в 1920 являлся начальником тыла (возглавлял охрану революционного порядка) и членом Временного ревкома Польши и Польского бюро ЦК РКП(б), и одновременно был членом ЦИК Коммунистической рабочей партии Польши, действовавшего в Смоленске. Один из организаторов массового террора в Крыму (ноябрь 1920 – март 1921).

Председатель комиссии по выработке мер по усилению охраны государственных границ. Феликс Дзержинский считал, что «граница – есть линия политическая и охранять ее должен политический орган». И 24 ноября 1920 г. Совет труда и обороны принял решение передать дело охраны границ страны в ведение Особого отдела ВЧК. Части войск, обеспечивавшие войсковое прикрытие границ, также перешли в оперативное подчинение ВЧК. С этого момента пограничники на долгие годы стали чекистами.

Председатель ГПУ при НКВД РСФСР – ОГПУ при СНК СССР (февраль 1922 – июль 1926). Возглавляя в начале 1923 года комиссию ЦК по расследованию конфликта между Закавказским крайкомом и грузинскими коммунистами, оправдывал нейтралистскую линию край-

кома и его председателя Г. К. Орджоникидзе, как отвечающую директивам ЦК. По решению партии занимал также и командные посты в народном хозяйстве страны. Сначала был наркомом путей сообщения (апрель 1921 – февраль 1924). О ситуации в отрасли Дзержинский писал в 1923 г.: «На дорогах у нас в области хищений и бесхозяйственности один сплошной ужас... Хищения из вагонов, хищения в кассах, хищения на складах, хищения при подрядах, хищения при заготовках. Надо иметь крепкие нервы и волю, чтобы преодолеть все это море разгула» и добавлял: «Суровые кары вплоть до высшей меры наказания-расстрела будут применяться не только к непосредственным участникам в хищении на транспорте, но и к пособникам, и скупщикам краденого». Он немало сделал для наведения в отрасли революционного порядка, укрепления трудовой дисциплины, ликвидации бесхозяйственности и расхлябанности.

Он успешно боролся и с детской беспризорностью, будучи председателем Комиссии при ВЦИК по улучшению жизни детей (январь 1921 – ноябрь 1923). Тогда по официальным данным примерно пять миллионов детей являлись беспризорными. Способствовал организации системы детских учреждений – приемников-распределителей (временного пребывания), детских домов, «коммун» и детских «городков». В этих учреждениях обездоленные дети получали медицинское обслуживание, образование, питание и, самое главное, возможность дальнейшей самореализации. Восемь бывших беспризорников стали впоследствии академиками АН СССР.

При его поддержке было создано существующее и поныне добровольное спортивное общество «Динамо». 18 апреля 1923 г. состоялось его учредительное собрание. Дзержинского избрали почетным председателем ДСО. В качестве тренеров были привлечены лучшие спортивные кадры Москвы. К 1926 г. спортивное общество «Динамо» включало более 200 ячеек.

Кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) (1924–1926), занимал пост председателя ВСНХ СССР (февраль 1924 – июль 1926). Считал основным фактором развития промышленности «ориентацию на широкий крестьянский рынок» и подчеркивал, что «нельзя индустриализироваться, если говорить со страхом о благосостоянии деревни», выступал за развитие мелкой частной торговли, за то, чтобы поставить частного торговца «в здоровые условия», защитив его от местных администраторов. Стремился снизить себестоимость продукции и цены на изделия промышленности путем опережающего роста производительности труда по отношению к заработной плате.

Участвовал в борьбе против левой и объединенной оппозиций, поскольку они, по его мнению, угрожали единству партии и проведению НЭПа. Вместе с тем выражал в 1925–1926 годах несогласие с экономической политикой правительства, в связи с чем просил об отставке. Оспаривал мнение о приоритете государства и, в частности, армии в качестве базы развития металлопромышленности. Считал необходимым радикально изменить систему управления, чтобы преодолеть бюрократический «паралич жизни», полагая, что в противном случае страна «найдет своего диктатора, похоронщика революции, – какие бы красные перья ни были на его костюме».

20 июля 1926 года на пленуме ЦК, посвященном состоянию экономики СССР, Дзержинский произнес двухчасовой доклад, во время которого выглядел больным. В нем он подверг резкой критике Г. Л. Пятакова, которого он назвал «самым крупным дезорганизатором промышленности», и Л. Б. Каменева, которого обвинил в том, что тот не работает, а занимается политиканством. «...Если вы посмотрите на весь наш аппарат, если вы посмотрите на всю нашу систему управления, если вы посмотрите на наш неслышанный бюрократизм, на нашу неслышанную возню со всевозможными согласованиями, то от всего этого я прихожу прямо в ужас. Я не раз приходил к Председателю СТО и Совнаркома и говорил: дайте мне отставку... нельзя так работать!»

Из-за нервного срыва ему стало плохо. В тот же день он скончался от сердечного приступа.

Похоронен в Москве на Красной площади у Кремлевской стены.

Екатерина Сорокина

Часть 1 «Кошмарный сон буржуазии»

Я. Х. Петерс Пролетарский якобинец

Петерс Яков Христович – с 1917 г. член коллегии, заместитель председателя ВЧК, ОГПУ. В 1930–1934 гг. председатель Московской контрольной комиссии ВКП(б). Член ЦКК, член ВЦИК.

Борьба с контрреволюцией началась одновременно с победой пролетарской революции. Феликс Эдмундович Дзержинский был одним из самых активных членов Военно-революционного комитета, и ему приходилось разрабатывать план борьбы против эсеровщины и кадетов, против буржуазной печати, которая клеветой обливала пролетарскую власть, производить первые аресты, допросы. Товарищу Дзержинскому приходилось также после упразднения Военно-революционного комитета работать в ликвидационной комиссии Военно-революционного комитета, на которую до образования ВЧК была возложена обязанность борьбы против контрреволюции.

Совет Народных Комиссаров постановлением от 7 (20) декабря 1917 года организовал Всероссийскую чрезвычайную комиссию. Председателем ее был назначен товарищ Дзержинский.

Это постановление Совнаркома возлагало на Всероссийскую чрезвычайную комиссию сначала две, а потом три грандиознейшие задачи, ибо вскоре на нее, кроме борьбы с контрреволюцией и саботажем, была возложена также задача борьбы со спекуляцией.

Легко сказать – бороться со спекуляцией, когда в Петрограде после Октябрьской революции продовольствия было на несколько дней. При этом везде остался аппарат почти исключительно частной торговли, использовавший переходный период – период хаоса, неразберихи и продовольственных затруднений, – для того, чтобы набить себе карман...

Бороться с контрреволюцией, когда Петроград был полон царскими офицерами и чиновниками, строившими планы борьбы с Советской властью; когда легально существовал «Комитет спасения родины и революции», в котором объединились все враги пролетарской власти; когда существовала еще буржуазная, меньшевистская печать наполнявшая ежедневно свои страницы клеветой и злобой против Советской власти, было задачей чрезвычайно тяжелой...

Вот в этой сложной, напряженной обстановке Феликс Эдмундович Дзержинский должен был организовать борьбу с ожесточенными врагами.

Подбирать сотрудников для аппарата было чрезвычайно тяжело. Когда мы перешли из Смольного в помещение бывшего градоначальства на Гороховой, 2, то весь аппарат ВЧК состоял из нескольких лиц; канцелярия находилась в портфеле Дзержинского, а касса – сперва тысяча рублей, а потом 10 тысяч рублей, которые были получены для организации ВЧК – у меня как казначея, в ящике стола. Первое время на работу в ВЧК приходилось брать исключительно коммунистов. И только постепенно вокруг ВЧК стали сплываться и беспартийные рабочие, которые верно шли за большевистской партией.

Рассчитывать на беспартийную интеллигенцию не приходилось. И даже не всех коммунистов из тех, кого мы намечали, удавалось вовлечь в работу в ВЧК. Гражданская война еще не научила понимать логику борьбы между пролетариатом и буржуазией. Неприятно было идти на обыски и аресты, видеть слезы на допросах. Не все усвоили, что пусть мы и победили, но, чтобы удержаться у власти, мы должны беспощадно бороться, не останавливаясь ни перед

какими трудностями и не поддаваясь никакой сентиментальности, иначе нас разобьют, подавят, и мы снова станем рабами. И порою Дзержинскому приходилось уговаривать товарищей идти на работу в ВЧК.

Кроме того, немало было других трудностей. СНК вначале был составлен из членов двух партий: коммунистов и левых эсеров. Тогда во главе Наркомюста стоял эсер Штейнберг, который тормозил каждый более или менее решительный шаг по борьбе с врагами Советской власти и старался подчинить ВЧК своему контролю. Каждый неудачный шаг ВЧК левые эсеры раздували и боролись против прав ВЧК.

Так, некий проходимец со своими подручными якобы от имени ВЧК организовал «обыск» у кутящих буржуев в гостинице «Медведь», забрал у них ценности и деньги и заявил, что это делается по поручению Дзержинского. Проходимец ничего общего с ВЧК не имел. Это был просто хулиган и грабитель, но тем не менее, когда об этом «обыске» узнал Штейнберг, он пустился в такую истерику что товарищу Дзержинскому пришлось потратить чрезвычайно много времени и сил, чтобы доказать, что борьба с хулиганами и грабителями входит в задачи ВЧК.

А проходимцев тогда было немало. Спустя несколько дней после создания СНК был арестован бывший князь Эболи с подложными бланками и печатями СНК, ЦИК, ВЧК, НКВД. По подложному мандату он от имени ВЧК производил обыски и присваивал себе найденные драгоценности и деньги.

Только такой человек как Дзержинский, с его решительностью, твердостью и неослабеваемой энергией мог преодолеть все эти препятствия, завоевать доверие к себе и к ВЧК, создать аппарат, спаять его в стальной дисциплине и успешно бороться с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией.

Петроградский период ВЧК знаменуется этими трудностями борьбы и организации аппарата. Тем не менее, до переезда в Москву в марте 1918 года ВЧК уже стала твердо на ноги, имела около 120 сотрудников, выработанные методы борьбы и завоеванное имя, перед которым дрожали враги Советской власти.

В Москве многое пришлось начинать сначала, с той только разницей, что ВЧК имела кадры подобранных работников, имела имя. Но это имя не всем нравилось. В Москве существовала «черная гвардия» и штаб «анархистов», которые занимали самовольно буржуазные особняки, захватывали ценности, золото, серебро, а разный хлам раздавали обывателям. По вечерам черноговардейцы устраивали облавы на улицах, отбирали оружие.

Как только ВЧК переехала в Москву, она сейчас же столкнулась с этими хулиганствующими элементами. В первый же день приезда ВЧК в Москву несколько товарищей из отряда ВЧК зашли в чайную. Но не успели они сесть за столик, как на них напали бандиты. В схватке один сотрудник ВЧК был убит. Немедленно Дзержинский отдал распоряжение разыскать убийц... Дзержинский решительно поставил вопрос о ликвидации ненормального положения в Москве. Он потребовал разоружения так называемых «анархистов» с их «черной гвардией».

Дзержинский доказывал, что дальше терпеть такое положение невозможно, и, добившись согласия, блестяще провел всю операцию по разоружению анархистующих бандитов.

В конце апреля – начале мая 1918 года ВЧК стало известно, что в Москве существует крупная контрреволюционная организация, так называемый «Союз спасения родины и свободы». Он был обнаружен и разгромлен.

Но этот заговор, так же как раскрытый несколько месяцев позднее заговор иностранных послов, поставил перед аппаратом ВЧК новую сложную и чрезвычайно трудную задачу. Одно дело – бороться с хулиганством и бандитизмом, и с небольшими группами белогвардейцев, другое – разбираться в материалах, допросах хорошо подобранной белогвардейской организации, имеющей специальный шифр, пароли и дисциплину. А между тем комиссары и следователи ВЧК в то время почти исключительно состояли из рабочих. И вот им, этим мало-

подготовленным бойцам, предстояло выдержать экзамен, тяжелый экзамен по раскрытию всех контрреволюционных заговоров.

Так, по найденным паролям выявилась возможность послать из Москвы в Казань под видом белогвардейского офицера одного из наших комиссаров, для того чтобы раскрыть белогвардейский заговорщический штаб. Мы снарядили сотрудника ВЧК – рабочего, здорового парня с толстой фигурой и непослушными волосами. Он и еще один чекист приехали в Казань, явились к лицу, адрес которого был указан в явке, сообщили пароль. После долгих мытарств их направили в штаб казанской белогвардейской организации.

Они вошли вдвоем в комнату, где заседало около 20 человек, предъявили явки. Их приняли очень любезно, предложили чай и булки; они попили чаю, подсели поближе к дверям. Сначала их вид не вызвал подозрения, но скоро начали шептаться.

Видя, что другого выхода нет, наши товарищи выхватили маузеры, скомандовали «руки вверх». Кое-как позвали милицию и арестовали заговорщиков.

На допросе было не меньше затруднений. Белогвардейцы, несмотря на обильный материал, найденный при обыске, стали все отрицать или изображать в ином виде. Нужна была кропотливая работа, чтобы шаг за шагом все расшифровать и найти нити контрреволюционного заговора...

Иногда говорили, что Дзержинский слишком много загружал себя мелкой работой, но именно благодаря тому, что Феликс Эдмундович днем и ночью сидел и кропотливо работал над расшифровкой нитей белогвардейских заговоров, их удалось полностью раскрыть. Он делал многое сам, а главное – учил своим примером следователей и комиссаров, как надо работать. И нетерпеливые комиссары, и следователи учились у него – как можно найти ценнейшие нити для дальнейшего раскрытия контрреволюционных заговоров, работая над расшифровкой мелких бумажек.

После того, как ВЧК успешно выдержала экзамен по раскрытию савинковской организации и особенно после подавления восстания левых эсеров, аппарат ВЧК окреп. Было ликвидировано ненормальное положение, которое создалось в ВЧК до восстания, когда приходилось считаться с мнением части членов коллегии – левых эсеров, стремившихся не к укреплению Советской власти, а к ее дезорганизации.

Из коллегии и аппарата ВЧК изгнали левых эсеров. Это совпало с началом интенсивной работы контрреволюционных сил в стране. Десанты союзников окрылили мечты антисоветских сил. В ближайшие месяцы после левозеровского мятежа ВЧК открыла целый ряд крупнейших контрреволюционных заговоров, которые могли нанести Советской власти чрезвычайно тяжелые удары.

Вслед за делом Локкарта или, вернее, за несколько дней до ликвидации дела Локкарта правыми эсерами были совершены убийство Урицкого и покушение на Владимира Ильича. Эти события взволновали всю страну. В день убийства Урицкого Владимир Ильич позвонил в ВЧК и предложил Феликсу Эдмундовичу немедленно отправиться в Петроград для выяснения на месте обстоятельств убийства.

А вечером было совершено покушение на Владимира Ильича. Этот наглый предательский удар в спину пролетарской революции, совершенный социалистами-революционерами, встряхнул всю страну. Безо всяких директив из центра, с мест стали поступать сведения о решительной расправе с контрреволюционерами, начиная с эсеров и заканчивая белогвардейскими генералами. В ВЧК поступали телеграммы очень часто такого содержания: что в таком-то городе общее собрание, обсудив вопрос о покушении на Владимира Ильича, постановило расстрелять столько-то контрреволюционеров. Дзержинскому, коллегии ВЧК приходилось сдерживать это возмущение трудящихся масс, направлять борьбу против зарвавшихся агентов иностранных капиталистов в правильное русло.

Можно было бы перечислить еще десятки крупных заговоров по всей стране во время гражданской войны, раскрытых в такое время, когда белогвардейцы уже были накануне выступления и могли нанести тяжелый удар красным фронтам.

Вся эта работа могла быть проделана лишь аппаратом, полностью преданным интересам пролетарской революции, аппаратом дисциплинированным и решительным, готовым идти в бой за торжество коммунизма в какой угодно обстановке, аппаратом, созданным и руководимым Дзержинским...

Дзержинский в этом отношении был самым подходящим якобинцем пролетарской революции. Для него не существовало никаких трудностей, никаких преград. Он шел вперед убежденно, верно, не срываясь. Несмотря на то, что он горел в борьбе, что для него борьба была сама жизнь, он не увлекался, сохраняя хладнокровие в самые тяжелые моменты борьбы.

Только такой человек, с такой выдержкой, с такой решимостью, мог возглавлять ВЧК. Его глубокая вера в успех революции, его неисчерпаемая энергия, решимость бороться, несмотря ни на какие препятствия, передавались аппарату сверху донизу, и никогда не было в ВЧК большего авторитета, чем авторитет Феликса Эдмундовича Дзержинского. Такой авторитет он создал себе не только качествами борца. Он его создал также своей образцовой личной жизнью. Занимая ответственные государственные посты, Феликс Эдмундович оставался образцом скромности. Не потому, что он хотел, как некоторые, щеголять этим, а потому, что не мог жить иначе.

М. И. Лацис Дзержинский и ВЧК

Лацис Мартын Иванович – с 1918 г. член коллегии ВЧК. В 1919–1921 гг. председатель Всеукраинской ЧК.

Образование ВЧК и ее работа настолько тесно связаны с именем Ф. Э. Дзержинского, что нельзя говорить о них отдельно. Он был одним из инициаторов создания ВЧК, организовывал ее аппарат, неоднократно реорганизовывал его, совершенствуя деятельность ВЧК. Поэтому, говоря о Дзержинском, о его работе по охране Октября, нам неизбежно придется говорить и о ВЧК и ее органах.

Недели через две после Октябрьской революции, когда от Военно-революционного комитета постепенно стали отпочковываться органы управления Советским государством, Дзержинский был назначен членом коллегии Народного комиссариата внутренних дел. При распределении обязанностей между членами коллегии НКВД (не знаю, нашло ли это суждение какое-нибудь отражение в протоколе, так как тогда не все записывалось или, вернее, мало что записывалось) Феликс Эдмундович попросил поручить ему самую тяжелую работу – восстановление порядка в стране.

Первым делом надо водворить порядок в столице Советского государства. Естественно, что Дзержинский, оставаясь одновременно и членом Петроградского военно-революционного комитета, начал намечать планы по охране революционного строя в столице. Им был создан комитет по охране Петрограда, который возглавил К. Е. Ворошилов. Комитет по охране города имел некоторую преемственность от бывшего градоначальства, поэтому и разместился в его здании. Ф. Э. Дзержинский всецело ушел в эту работу и очень редко показывался в комиссариате. Но, вслед за столицей, деятельность контрреволюционеров распространилась и на провинцию. Потребовалось создание особого чрезвычайного органа борьбы с контрреволюцией по всей стране. Этим органом и явилась Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Вопрос о ее организации был предрешен еще 19 декабря 1917 года, но запротоколировано о ее организации 20 декабря.

Протокол гласил буквально следующее:

«Назвать комиссию Всероссийской чрезвычайной комиссией при Совете Народных Комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем и утвердить ее.

Задачи комиссии:

1) пресекать и ликвидировать все контрреволюционные и саботажные попытки и действия по всей России, со стороны кого бы они ни исходили;

2) предание суду революционного трибунала всех саботажников и контрреволюционеров и выработка мер борьбы с ними;

3) комиссия ведет только предварительное расследование, поскольку это нужно для пресечения;

4) комиссия разделяется на отделы: 1) информационный, 2) организационный отдел (для организации борьбы с контрреволюцией по всей России и филиальных отделов), 3) отдел борьбы.

Комиссия сконструируется окончательно завтра. Пока действует ликвидационная комиссия В. Р. Комитета.

Комиссия обратит в первую голову внимание на печать, саботаж и т. д. правых с.-р., саботажников и стачечников.

Меры – конфискация, выдворение, лишение карточек, опубликование списков врагов народа и т. д.».

Это, скорее, черновой набросок, чем декрет об организации ВЧК. Но в те дни некогда было отшлифовывать. Необходимо было действовать. Толчок был дан, направление выявлено, пусть члены комиссии развивают дело, руководствуясь революционным правосознанием и своей совестью.

Все же, как явствует из приведенного документа, ВЧК тогда хотя и мыслилась как орган непосредственного подавления контрреволюции, ей предоставлялось право конфискации, лишения карточек, опубликования списков врагов народа и т. п., но в области судебной предполагалось, что все судебные дела после предварительных следствий ВЧК будет передавать в революционный трибунал. Этот правовой момент мы здесь подчеркиваем преднамеренно, чтобы яснее выступила потом фигура Феликса Эдмундовича, правильно определившего задачи и формы работы ВЧК, действовавшего согласно своему классовому правосознанию и совести.

ВЧК организовалась в тот же день, разместилась в доме бывшего градоначальника по Гороховой ул., 2, и приступила немедленно к работе, собственно, продолжая работу ликвидационной комиссии Петроградского военно-революционного комитета.

Во что выльется в ближайшие же месяцы работа ВЧК, никто еще не знал, и те задачи и права, которые были даны ВЧК, заставили серьезно отнестись к подбору руководителей этого органа пролетарской диктатуры.

Кому поручить столь важное и ответственное дело? По внешности борьба с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией – самая черновая работа революции. В перчатках ее не осуществишь. И в то же время – это самая необходимая работа. Не всякий бы за эту работу взялся, и не всякому эту работу можно было поручить. Счастьем нашей революции было назначение председателем ВЧК Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Кристалльно чистый, самоотверженный, волеустремленный, человек немедленного действия, не отступающий перед препятствиями, подчиняющий свои личные интересы интересам революции, забывающий себя, справедливый даже по отношению к своим врагам – вот каким Дзержинский показал себя за долгие годы работы, вплоть до своей смерти.

Итак, Феликс Эдмундович – председатель ВЧК. Он начинает действовать. Будем следовать за ним в его работе.

Нет еще опыта на этом фронте борьбы. Налицо только постановление Совнаркома и жизнь, требующая немедленного действия. Поэтому ВЧК не берет на себя судебных функций и действует через революционный трибунал. На вечернем заседании коллегии ВЧК от 20 декабря Дзержинский протоколирует:

«Комиссия ведет только предварительное расследование».

Жизнь, однако, уже на первых шагах комиссии диктует другое, она требует предоставления ВЧК более широких прав в борьбе с контрреволюцией.

Пользуясь периодом перестройки аппарата управления, и в связи с этим естественным временным отсутствием государственного аппарата, прикрываясь флагом революционеров, творящих революционное правосудие, разные темные элементы начинают действовать в своих личных интересах, производя грабежи. Некоторые из них начинают действовать под видом сотрудников ВЧК. Это последнее очень опасно – нельзя допустить скомпрометирования имени ВЧК. Ее имя должно быть чисто. К этому органу должны обращаться за помощью все ищущие революционного правосудия. Так мыслил Феликс Эдмундович.

И вот когда в руки ВЧК попал шантажист и бандит, известный под именем князя Эболи, действовавший при вымогательстве под видом сотрудника ВЧК, Феликс Эдмундович подписывает решение о расстреле. Эболи был расстрелян 24 февраля 1918 года.

Завершился первый период работы ВЧК: жизнь заставила присвоить революционным путем право непосредственной расправы. Это право – право расстрела – ВЧК применяла

до июля 1918 года только по отношению к бандитам и спекулянтам. Политические противники этой каре не подвергались.

Получив решительный отпор в Петрограде, контрреволюционеры переносят свою работу в провинцию, мобилизуют свои силы и начинают планомерно наступать на Советскую власть.

Ясно, что ВЧК уже не может ограничить свою работу одним лишь Петроградом. Необходимо раскинуть аппарат по всей стране. Первым делом организуется Московская чрезвычайная комиссия. Но она не успела развернуть своей работы, как вынужденная эвакуация Петрограда заставляет и ВЧК переехать в Москву. К этому времени в Москве бесчинствовали анархисты, к которым примазались уголовные элементы. Имея свои вооруженные отряды, анархисты стали не просто политической партией, а вооруженной силой. В Москве начался произвол.

Сюда переехали правительство и Центральный Комитет партии большевиков. Необходимо было железной метлой вымести всю нечисть, терроризирующую население и срывающую мирную работу. За очищение Москвы от бандитов берется Ф. Э. Дзержинский. Совместно с комендантом города он мобилизует войска московского гарнизона и в одну ночь разоружает все штабы анархистов. Последние оказывают сопротивление, и советским войскам приходится пускать в дело пушки.

В борьбе с анархо-бандитизмом, как и во всей своей деятельности, ВЧК опиралась на массы. 3 апреля 1918 года Дзержинский опубликовал обращение к населению Москвы. Это обращение было программой действий, поэтому мы здесь его приводим целиком.

«К НАСЕЛЕНИЮ ГОР. МОСКВЫ»

От Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией при Совете Народных Комиссаров.

Волею Совета Народных Комиссаров Российской Социалистической Федеративной Советской Республики мы призваны к деятельности в г. Москве. Вступая в отправление своих обязанностей, Всероссийская чрезвычайная комиссия считает необходимым довести до сведения граждан г. Москвы, что первейшей задачей Всероссийской чрезвычайной комиссии будет борьба за полную безопасность и неприкосновенность личности и имущества граждан от произвола и насилия самовольных захватчиков и бандитов, разбойников и хулиганов, и обыкновенного жулья, осмелившихся называться и выдавать себя за красногвардейцев и членов других революционных организаций. В борьбе с этими двойными преступниками, охотно входящими в сношения и принимающими в свою среду контрреволюционеров, ударников и белогвардейцев, будет проявлена особая решительность и беспощадность. Все население Москвы призывается к полному спокойствию и содействию законной власти, и неукоснительному покорению всех элементов, деятельность которых явно враждебна свободному республиканскому строительству нашего социалистического Отечества.

Население должно знать, что во Всероссийской чрезвычайной комиссии оно встретит самую живую отзывчивость к каждому делу, где поправа справедливость, совершено и готовится совершиться преступление.

За каждое сообщение о местопребывании громил, захватчиков, спиртогонов, спекулянтов, саботажников и контрреволюционеров Всероссийская чрезвычайная комиссия будет признательна и благодарна. Надо

твердо знать, что только общими усилиями твердой власти и друзей свободной России мы можем непоколебимо и могущественно утвердить начало нового строя революционно-социалистической России.

За истекшие месяцы со дня Октябрьской революции к работе правительства примазались под маской сочувствующих и единомышленников различные нежелательные элементы.

Очищением от этой своры комиссия займется особенно усердно, и здесь мы просим содействия граждан. Необходимо немедленно заявить Всероссийской чрезвычайной комиссии о каждом неправомерном, незаконном или преступном поступке всех без различия положения и службы, наперед зная, что всякое такое заявление, письменное или устное, будет встречено искренней благодарностью.

Все лица, носящие оружие, должны позаботиться о выправлении у Советской власти надлежащих удостоверений, причем Всероссийская чрезвычайная комиссия предупреждает, что после опубликования этого обращения к населению всякое незарегистрированное холодное или огнестрельное оружие не только будет отбираться, но собственники его будут подвергаться самой суровой ответственности.

Все взрывчатые вещества, хранящиеся в сыром виде, а также бомбы, гранаты, машины и прочие приспособления, находящиеся в распоряжении частных лиц, учреждений и партийных организаций, не получивших правительственного разрешения, должны быть сданы во Всероссийскую чрезвычайную комиссию немедленно. Лица, не подчинившиеся этому постановлению, тем самым объявляют себя врагами народа и становятся вне закона.

Лицам, занимающимся грабежом, убийствами, захватами, налетами и прочей преступной деятельностью, предлагается в двадцать четыре часа покинуть г. Москву или совершенно отрешиться от своей преступной деятельности, зная наперед, что через двадцать четыре часа после опубликования этого заявления все застигнутые на месте преступления немедленно будут расстреливаться».

Это обращение к населению Москвы свидетельствует о том, что Феликс Эдмундович еще рассчитывал на благоразумие антисоветских партий.

Этой верой в благоразумие объясняется и сотрудничество с левыми эсерами.

На первых порах мыслилось, что в ВЧК войдут исключительно большевики. Но вскоре ЦК левых эсеров потребовал себе место во Всероссийской чрезвычайной комиссии. Из числа левых эсеров тогда были введены в ВЧК Александрович – в качестве заместителя председателя, и Закс. К июлю 1918 года из 20 членов коллегии Всероссийской чрезвычайной комиссии семь были левые эсеры. Кроме того, начальником отряда ВЧК был левый эсер Попов.

Ф. Э. Дзержинский считал такое положение нормальным. Поскольку левые эсеры разделяют государственную власть, то пусть несут и ответственность за подавление бандитизма, саботажа и контрреволюции. Все это было так, пока левые эсеры не ушли от власти, то есть до Брестского мира. Но как только они от власти ушли, следовало их «уйти» и из ВЧК.

Этот момент Дзержинский просмотрел, в чем потом себя открыто обвинял на заседании Совета Народных Комиссаров.

6 июля эсеры подняли мятеж и воспользовались силами отряда ВЧК, где находился их повстанческий штаб.

Феликс Эдмундович был арестован эсерами. Вместе с ним были арестованы Лацис, Беленький и несколько комиссаров ВЧК. Это единственный серьезный промах, допущенный Дзержинским за время работы в ВЧК.

Эту ошибку он признал и после освобождения его из штаба эсеров на заседании Совнаркома потребовал своего отстранения от работы в ВЧК до разбора дела следственной комиссией Стучки. Так как Феликс Эдмундович решительно настаивал на этом, Совнарком принял это предложение, и председателем ВЧК временно был назначен Петерс.

Эта черта характера – немедленное открытое сознание ошибки и немедленные меры к ее исправлению – делала Феликса Эдмундовича неоценимым работником...

Стало ясным, что антисоветские партии пошли на все, не брезгуя ничем. Или мы, или они. И ВЧК предоставляется право применять расстрел к политическим противникам, выступившим с оружием против нас. Война остается войной, где бы она ни проходила – на границе или внутри страны.

ВЧК с первых шагов действовала с помощью трудящихся. В этом мы убеждаемся, взглянув на состав сотрудников ВЧК. В первые месяцы работы ВЧК в Москве в ее аппарате насчитывалось всего 40 сотрудников, включая сюда шоферов и курьеров. Даже к моменту мятежа левых эсеров число сотрудников ВЧК доходило только до 120 человек. Если все же ВЧК осуществляла сравнительно большую работу, то главным образом благодаря содействию населения. Почти все крупные заговоры были раскрыты по сигналам населения. Первая нить бралась от населения и потом уже разматывалась аппаратом ВЧК.

Начиная с марта 1918 года Дзержинский приступает к организации аппарата ВЧК на местах. Сначала он мыслил организацию только губчека, а потом и уездных, но на местах иногда забежали вперед и создавали даже районные и волостные чрезвычайные комиссии. Приходилось вносить поправки.

Проникшая в военную сферу контрреволюция приводит к необходимости организации фронтовых чрезвычайных комиссий. Потом организуются транспортные чрезвычайные комиссии и создаются войска ВЧК. К началу 1919 года ВЧК уже имела широко разветвленный аппарат и была в состоянии пресекать в корне все попытки контрреволюции, направленные как к непосредственному вооруженному свержению Советов, так и к экономическому удушению путем расстройств транспорта, промышленности и сельского хозяйства.

Естественно, что широко разветвленный аппарат не мог охранить повсюду исключительную добросовестность. Нередко к аппарату ВЧК примазывались негодные элементы, иногда даже контрреволюционеры. Одни это делали исключительно в «карманных» интересах, другие – с целью скомпрометировать ВЧК, выведать тайны. Особенно много неприятностей было с низовым аппаратом. Ф. Э. Дзержинский самым решительным образом борется как с враждебными элементами, проникшими в ВЧК, так и с должностными преступлениями работников ВЧК. Он каленым железом выжигает обнаруженную язву. К сотрудникам – самые строгие требования, а за преступления – самая строгая кара.

Но Ф. Э. Дзержинский не просто организатор, не просто председатель ВЧК. Его натура не довольствуется только руководством. Он сам жаждет действовать. И мы нередко видим, как он сам допрашивает обвиняемых и роется в изобличительных материалах. Его настолько захватывает дело, что он просиживает ночи в помещении ВЧК. Ему некогда сходить домой. Он спит тут же, в кабинете за ширмой. Он и столуется тут же, курьер приносит ему в кабинет еду, какой питаются все сотрудники ВЧК. Правда, курьер старается приготовить для него что-нибудь получше; вместо конины, которой все питались в 1919 и 1920 годах, приносит поджаренный картофель с салом. Но Дзержинский не любит, чтобы для него создавали какие-то исключительные условия, и ругает курьера-старика и А. Я. Беленького, взявшего на себя заботу о Дзержинском. Поэтому нередко приходится его обманывать, говоря, что и для других сотрудников тот же обед.

Усиленная работа расшатывает и без того изнуренный каторгой организм Дзержинского, и за ним необходим лучший уход. А. Я. Беленький в меру своих сил и средств ВЧК старался предоставить Феликсу Эдмундовичу хоть минимум удобств.

Самым напряженным в работе ВЧК было время после покушения на Владимира Ильича, когда обнаглевшая свора лжесоциалистических партий решила на индивидуальный и массовый террор, и когда «комитет членов Учредительного собрания» (в Самаре), опираясь на чехо- словацких белогвардейцев, начал наступление на Волге.

Это положение страны приводит к необходимости предоставить ВЧК самый широкий круг прав, и Совнарком в сентябре принимает следующее постановление:

«Совет Народных Комиссаров, заслушав доклад председателя Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности о деятельности этой комиссии, находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью, что для усиления деятельности Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности и внесения в нее большей планомерности необходимо направить туда возможно большее число ответственных партийных товарищей; что необходимо обезопасить Советскую республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях, что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам, что необходимо опубликовывать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры».

После этого и в Москве к делу борьбы с контрреволюцией привлекаются все районы. На белый террор жизнь заставила ответить красным террором.

Следующим напряженным периодом в работе ВЧК была осень 1919 года, когда был взорван Московский комитет и раскрыт заговор «Национального центра». Все ближе и ближе к столице и Петрограду подходили белогвардейские войска. Контрреволюционеры организовали в Москве и ее окрестностях крупные вооруженные силы. Враги рассчитывали: как только Деникин подойдет ближе к Москве, они поднимут восстание и облегчат овладение Москвой. Но замысел врагов был пресечен раскрытием «Национального центра». В то же время завершена ликвидация подполья анархистов, работавших в тесном контакте с крайним течением левых эсеров.

На фронтах наступил перелом. Красная Армия победоносно наступала. Феликс Эдмундович отправляется на Украину, где орудуют банды Махно и других «батек». Он попросил назначить его на должность начальника тыла Украинского фронта.

Для Дзержинского не важен чин. Ему важна работа.

Дзержинский внимательно следил за всем, что происходило в стране. Как только представилась возможность, он выступил за смягчение карательных мер. В январе 1920 года он входит в Совнарком с предложением об отмене расстрелов по приговорам ВЧК. Совнарком с этим соглашается и утверждает проект постановления, внесенный Феликсом Эдмундовичем.

Феликс Эдмундович не ограничивается борьбой с контрреволюцией. Он направляет ВЧК на активную борьбу с должностными преступлениями, с теми, кто преднамеренно компрометирует авторитет Советской власти перед рабочими и крестьянами взяточничеством, незаконными поборами или личным поведением; кто хотя и непреднамеренно, но в своих личных интересах, ради своей утробы, ради личного благополучия не довольствуется выделенной для него нормой потребления и хочет жить за счет урезания и так голодного пайка другого. Разве эти действия должностных лиц не подлежат искоренению и разве это не должно войти в круг работы ВЧК?

А тот, кто преднамеренно или непреднамеренно разрушает транспорт, тормозит товарообмен, кто мешает хотя бы своим попустительством развитию производительных сил страны и строит препятствия на пути изобретательного духа народа, – разве все они не работают

на руку контрреволюции? Разве ВЧК до них нет никакого дела? Нет, все это вредно, подлежит искоренению, и ВЧК должна всем этим заняться. Сам Феликс Эдмундович вникает во все эти вопросы, и ВЧК занимается всем этим.

Борьба с мошенничеством, с Сухаревкой, борьба с фальшивомонетчиками, с укрывателями и фальсификаторами продуктов – это становится предметом внимания ВЧК. Спекулянты да и сами бывшие собственники вывозят за границу драгоценности, укрывают их от сдачи. Это – ограбление Советского государства.

Мы напрасно пытались бы перечислить все области народной жизни, которыми интересовался Феликс Эдмундович, и в которых работала ВЧК. Все это привело к тому, что Владимир Ильич стал давать Дзержинскому поручения по линии хозяйственного строительства. Так, ВЧК оберегала и поддерживала серьезных изобретателей, работу которых Владимир Ильич считал нужным держать в секрете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.